

АЗБУКА ВЕРЫ

Прогресс

Православная энциклопедия Азбука веры 2018

Прогресс

- [Гуманистический и богочеловеческий прогресс преп. Иустин \(Попович\)](#)
- [Прогресс и преображение священномученик Иларион \(Троицкий\)](#)
- [Христианское понимание провиденциализма и прогресса С.В. Посадский](#)
- [Идея катастрофического прогресса В.Ф. Эрн](#)
- [Прогресс или преображение? Ирина Силуянова](#)
- [Прогресс в мельнице смерти преп. Иустин \(Попович\), Челябинский](#)
- [Прогресс и война свщм. Иларион \(Троицкий\), архиеп. Верейский](#)
- [Безусловный прогресс и истинное усовершенствование рода человеческого проф. В.Д. Кудрявцев-Платонов](#)
- [Архиепископ Никанор \(Бровкович\) о вреде идеи прогресса и вероятной пользе железных дорог А.П. Соловьев](#)

Прогресс - движение человечества к конечной цели мироздания, заключающейся в совершенном восстановлении падшей природы человека через веру в Иисуса Христа. Христианское понимание прогресса имеет своим основанием факт Воскресения Иисуса Христа, факт победы Богочеловека над смертью.

«Слово «прогресс» в буквальном смысле означает любое движение вперед. Посредством всевозможной деятельности своей - религиозной, философской, научной, технической, экономической - род человеческий очевидно движется вперед, идет вперед к чему? Нет сомнения, к смерти, как последней реальности. Рожденные в мельнице смерти и выросшие в ней люди, все люди, со всеми своими прогрессами оказываются в конце концов смолотыми смертью... Христова победа над смертью своим Воскресением обеспечила безграничный прогресс человека и человечества к божественному совершенству. По сути: истинный прогресс состоит в победе над смертью, в обессмертивании и души, и тела, в спасении от смерти, а иными словами, в спасении от греха и зла, единственных творцов смерти...

Воскресение Христово - переворот, первый радикальный переворот и революция в истории человечества. Оно поделило историю на две части; в первой части царил девиз: «смерть является необходимостью»; в другой части начинает царить девиз: «воскресение является необходимостью, бессмертие является

необходимостью». Воскресение Христово есть мельница истории человечества: до Него истинный прогресс был невозможен, с Него он стал возможен...

Из факта Воскресения Христового родилась философия воскресения, которая неоспоримо показывает и доказывает, что необходимость – это не смерть, а бессмертие, не победа смерти, а победа над смертью. В этом, единственно в этом, факте и в жизни, построенной на этом факте, Воскресения Христового, возможен истинный прогресс...

Иустин (Попович), преп.

«По христианскому учению, конечная цель мироздания, как и отдельной человеческой жизни, заключается в совершенном восстановлении через веру в Иисуса Христа нарушенного в грехопадении единства с Богом. Ибо «соединяющийся с Господом есть один дух с Господом» (1Кор. 6:17). В это единство должны войти не отдельные, ничем не связанные между собой люди, а люди, объединенные в таинственное Тело Христово, в святую Церковь. Это должно быть единство в Боге не только человека, но и всей жизни. Ибо «и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих» (Рим. 8:21). Это должно быть единство не только всей жизни, но и всей вселенной, ибо «мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда» (2Пет. 3:13). Словом, «да будет Бог все во всем» (1Кор. 15:28). Вот что стоит в конце мировой жизни, вот что дает смысл историческому процессу, и вот приближение к какой цели дает основание этот процесс именовать прогрессом».

прот. Валентин Свенцицкий [«О прогрессе в конце мировой истории»](#)

Христианское понимание провиденциализма и прогресса

С.В. Посадский

Говоря о санкционированных Богом формах ограничения человеческой свободы в социальной жизни, мы говорим о Божественном промысле. Христианское представление о Божественном промысле носит название провиденциализма (от лат. providentia – провидение). Суть провиденциализма можно выразить

точными словами святителя Иоанна, митрополита Тобольского: «Что есть Провидение? Это одно из свойств Божиих – видеть все действующее, действовавшее и имеющее действовать в будущем, как настоящее, и иметь всемогущую и непрестанную заботу о Своем творении»¹. Св. Иоанн Дамаскин о Провидении говорит так: «Провидение есть воля Божественная, которую все содержится и все разумно управляется»². В Православном Исповедании провиденциализм раскрывается следующим образом: «от малого до великого Бог знает все в точности, и о всяком творении в особенности промышляет» (чл. 1, отв. на вопр. 29).

Провиденциализм неразрывно связан с познанием Личного Бога. Очевидно, что Бог как Существо Личное есть не только Создатель мира, но и его Правитель. Личный Бог не является безучастным зрителем мировых процессов, но имеет непрестанную заботу о Своем творении. Он активно участвует в мировой жизни, причем, участвует, не нарушая свободного самоопределения своих разумных созданий. Будучи всеблагим, Он все направляет ко благу и заботится как о мире в целом, так и каждом отдельном существе.

Православный богослов и философ В. Д. Кудрявцев-Платонов отмечает, что сама идея Промысла основывается на двух взаимосвязанных положениях. Во-первых, Бог предстает как Существо Личное и абсолютно совершенное. Во-вторых, мир предстает как совокупность существ ограниченных и несовершенных. Подчеркнем, что несовершенным мир предстает в двух аспектах. Прежде всего, он несовершенен в сравнении с абсолютным Божественным бытием, всесовершенным, нетварным и всецело самобытным. Далее, он стал несовершенным по причине грехопадения человека, повредившего свою природу и все подчиненное ему мироздание.

Понятие о Боге как Личном существе предполагает живое и деятельное обнаружение Его свойств в мире. Понятие же о Боге как всесовершенном Личном Существом предполагает всесовершенный характер этой деятельности. Ограниченный и несовершенный мир становится объектом деятельности неограниченного и всесовершенного Бога, Который стремится усовершенствовать этот мир через соединение с Собой, через изливание на него Своего нетварного совершенства. Таким образом, сущность Провидения не

сводится лишь к сохранению и управлению, но предполагает и активное усовершенствование мира со стороны Бога. Так, через понимание провиденциализма мы приходим к христианскому пониманию идеи прогресса.

Как отмечает русский религиозный философ, В. Эрн обычно думают, что идея прогресса явилась впервые только в XVIII веке, и ее открыли, «как Колумб Америку», представители Просвещения. Но такие взгляды держатся лишь незнанием истории христианства. Именно христианство, органически связанное с великими еврейскими пророками, утвердило в человечестве идею прогресса. В. Эрн чрезвычайно точно замечает неизвестность чувства прогресса дохристианской языческой древности. В греческом и римском мировосприятии золотой век оставался позади, история не могла двигаться вперед к наивысшей цели. «История не стремится к нему, как своему идеалу, а уходит от него, как от счастливого, но случайного прошлого», – констатирует мыслитель. Также и религиозные учения Индии буддизм, индуизм, джайнизм развивали лишь представления о вечных и бессмысленных природных круговоротах, где история человечества была лишь микроскопически малым и вполне повторимым отрывком природной жизни. «Впервые еврейские пророки внесли в мир идею поступательного развития человечества, – говорит В. Эрн. – Взор их устремлен в будущее. Когда наступит время, придет Мессия и утвердит во всей земле, по всему миру царство Всевышнего. Золотой век впереди, и вся история царств, создаваемых и разрушаемых по велению Иеговы, направляется к тому времени...»³.

С точки зрения православного богословия прогресс есть осуществление цели мироздания. «По учению христианскому, прогресс – это такой процесс изменения жизни, в котором достигается общая цель мироздания», – указывает известный православный богослов и философ протоиерей Валентин Свенцицкий⁴. Последняя же и окончательная цель мироздания – благодатное Царство Божие, осуществленное в творении. Это Царство имеет своим средоточием обожение человека, вселение в него нетварной Божественной благодати, пребывание Бога в человеке и человека в Боге. Конечная цель мироздания неразрывно связана именно с судьбой человека, с самой человеческой историей.

Царство Божие означает, прежде всего, царствование Бога в человеке, и только через человека оно может распространиться во вне, на весь мир. Царство Божие становится достижимым во всей полноте, когда Сам Бог, воплощаясь, входит в историю, принимает человеческую природу, освобождает человеческий род от власти греха, распространяет на всех уверовавших благодать обожения. Царство Божие раскрывается через Богочеловека Иисуса Христа, в Котором соединены Божественная и человеческая природа. Потому и конечная цель мироздания, как и отдельной человеческой жизни, заключается «в совершенном восстановлении через веру в Иисуса Христа нарушенного в грехопадении единства с Богом».

Человеческая история являет пространство прогресса в Богопознании и Богоединении. Субъектом прогресса в ней выступает стремящаяся к познанию Бога человеческая личность. Разумеется, цели христианского прогресса недостижимы человеку одними собственными усилиями. Вопрос о Богопознании есть вопрос о превосхождении тварного естества, о сопричастности естеству Божественному. Бог ждет от человека произволения, самоопределения его воли. В ответ на человеческое волевое усилие Он нисходит к человеку Сам, раскрывается ему. В этом смысле христианский прогресс есть прогресс синергийный. В нем отражается согласование двух волей – Божественной и человеческой. Он представляет живое сотрудничество Бога и человека, направленное на познание Бога. И в этом живом сотрудничестве осуществляется поступательное, нарастающее преобразование человека Божественной благодатью, присутствует восходящее, прогрессирующее Богопознание.

Христианский прогресс в истории представлен несколькими этапами. Среди них выделяют два крупных периода – ветхозаветный и новозаветный. Новозаветный период должен выйти за рамки исторического процесса. Он будет увенчан этапом надисторическим, эсхатологическим.

Ветхозаветный этап начинается с отрицательного момента, с утраты Царства Божьего, с грехопадения прародителей. После этой утраты Бог предстает преимущественно как Бог спасающий. И сам прогресс неразрывно связывается с икономией (oikonomia греч. – искусство управления домом, домоуправление, домостроительство; oikos, – дом,

пomos – закон), то есть с домостроительством человеческого спасения. Ветхозаветный этап был подготовительным этапом. В нем человечество готовилось к осуществлению той высокой миссии обожения, которая не была им исполнена. Причем, готовилось в совершенно неблагоприятных условиях. Большинство человечества отвернулось от Бога, встало на путь языческих, идолопоклоннических религий, где добро и зло потеряли четкую грань. Предвидя грядущее обращение к Себе, Бог избрал израильский народ, чтобы удержать в нем монотеистическое знание, чтобы сохранить Откровение для грядущих поколений. Израильский народ становится носителем Божественной благодати, хранителем опытного Богопознания, средоточием нетварных Божественных действий. Благодатью Святого Духа пророчествуют пророки, предсказывая новый этап познания Бога, этап, решительно превосходящий предшествующий.

С течением времени жажда Богопознания просыпается среди язычников. Язычники ищущие Бога, это уже не отдельные люди, но народы и целые культурные миры. Вопросание о Первопринципе бытия, несущим в Себе всю полноту нравственной жизни, начинает пронизывать культурные ареалы языческого мира. В духовный поиск вовлекается Греция, Рим, Египет, варварская Европа... Популярность идолопоклонства падает, скептицизм растет не только по отношению к богам, но и к философским системам, стремящимся объяснить мир на основании разума. Народы просыпаются и ищут Бога. На их поиск Бог отвечает иной формой Откровения, превосходящей все мыслимые для человека возможности совершенства. Он Сам становится человеком, раскрывает для человечества всю возможную полноту Богопознания, всю возможную полноту соединения с Собой. Так рождается высший новозаветный, богочеловеческий прогресс, где «человек доведен до конца прогресса к Богу, человек усовершенствован Божественным совершенством, человек бессмертно и вечно соединен со всесовершенным Богом».

Христианство учит о прогрессе со всей ультимативностью. Оно доходит до последних пределов в учении о прогрессе и потому все остальные теории прогресса выглядят перед христианским учением неосновательно. Христианский прогресс есть прогресс нравственный, прогресс самоопределения в добре. Но его нравственность не означает абстрактный, внеонтологический морализм. Христианская

нравственность соприкасается с высшей реальностью, с абсолютным бытием, с живым Богом.

Христианство не может принять учение о прогрессе как постепенном достижении материального благополучия, в чем бы это благополучие не выразалось. Ни улучшение социального строя, ни рост богатств с их последующим равномерным распределением не является прогрессом в точном смысле слова. Социально-экономический процесс не тождественен реальному прогрессу, потому что он имеет свои четкие пределы. И эти пределы связаны с преходящим характером исторического бытия человека, связаны с его смертью. Все блага и наслаждения, предлагаемые нехристианскими теориями прогресса – временные блага и наслаждения. Их получение повлечет за собой разочарование и неизбежную утрату, они даны человеку на ограниченный срок. Смерть – это враг всякого исключительно земного прогресса, враг, избежать которого невозможно. «Если человек без предрассудков всмотрится в историю этого странного мира, он должен признать, что мир сей – огромная мельница смерти, которая безостановочно смалывает необозримые вереницы людей, от первого человека вплоть до последнего, – говорит св. Иустин Попович. – ... Нет победы, кроме той, которая побеждает смерть; и нет прогресса, кроме той победы; и нет мощи, кроме той мощи; и нет силы, кроме той силы...»⁵.

Христос побеждает смерть. Его дело – реальность не только духовная, но и физическая, телесная, биологическая... «На кресте смерть поглощена жизнью. Во Христе смерть входит в Божество и в Нем испепеляется, ибо «не находит себе в Нем места"», – говорит В. Н. Лосский⁶. Искупление – это борьба жизни со смертью и совершенная победа жизни. Победа жизни во Христе распространяется на творение. С победой Христа начинается благодатное восстановление твари, восстановление, которое несет в себе потенции полного преображения мира, совершенного изгнания смерти.

Христос созидает Церковь как сообщество верующих в Него и приобщенных Его Жизни людей. В Церкви благодать обожения изливается на человека, преображая искаженное грехом естество, вновь соединяя человека с Богом. Церковь уже не имеет одних земных и временных пределов. Ее бытие проецируется в конец истории, в вечность, где после воскресения всех, времени уже не

будет (Апок. 10:6). Церковь – это реальность земная, небесная и эсхатологическая. Она живет ожиданием нового бытия, когда сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих (Рим. 8:21), ожиданием нового и земли и неба, где обитает правда (2Пет. 3:13), предощущением той меры единения творения с Богом, когда Бог будет все во всем (1Кор. 15:28).

1 Святитель Иоанн (Максимович), митрополит Тобольский.

Илиотропион или сообразование с Божественной волей.

2 Цит., по: митрополит Иоанн Максимович. Илиотропион или сообразование с Божественной волей.

3 Владимир Эрн. Идея катастрофического прогресса.

4 Протоиерей Валентин Свенцицкий. Диалоги. Диалог девятый: О прогрессе и конце мировой истории.

5 Преподобный Иустин (Попович). Прогресс в мельнице смерти.

6 Лосский В. Н. Догматическое богословие.

Идея катастрофического прогресса

Владимир Францевич Эрн (1882-1917)

Я подхожу к этой теме в уверенности, что основная мысль моего понимания по-новому освещает проблему прогресса Э1.

Я говорю – *моего* понимания, потому что в литературе по вопросу о прогрессе я встречал только отдаленные намеки на такое понимание. Но я знаю, что мое понимание хода всемирной истории является совсем не моим, потому что оно совпадает с пониманием *всего* христианства. Дальнейшее изложение является только попыткой философски осознать то, что для христиан всех времен было непосредственно и религиозно данным. Таким образом, в своем изложении я попытаюсь дать философскую характеристику христианской идеи развития всемирно-исторической жизни. Вот почему мне придется начать христианством, продолжать христианством и кончать христианством.

Обычно думают, что идея прогресса появилась впервые в XVIII веке, что ее открыли, как Колумб Америку, дотоле неизвестную, представители так называемого «Просвещения». Подобные взгляды держатся только незнанием истории первоначального христианства. Не просветители XVIII века, а христианство I века, органически связанное с великими еврейскими пророками, утвердило в человечестве идею прогресса. Чувство прогресса совершенно неизвестно древности. В Риме и Греции, т. е. в странах наиболее культурных и наиболее быстро прогрессирующих, золотой век полагается позади. *Aurea prima sata est aetas* 1. История не стремится к нему как к своему идеалу, а уходит от него как от счастливого, но случайного прошлого. Буддизм исповедует теорию вечных круговоротов. Впервые еврейские пророки внесли в мир идею поступательного развития человечества. Взор их устремлен в будущее. Когда наступит время, придет Мессия и утвердит по всей земле, по всему миру царство Всевышнего. Золотой век впереди, и вся история царств, создаваемых и разрушаемых по велению Иеговы, направляется к тому времени, когда «выйдет закон от Сиона... и Господь будет судить среди народов и раскуют мечи свои на орала и копья свои на серпы и не поднимет народ на народ мечи и не будут уметь уже воевать». Э2

Христианство все насквозь проникнуто чувством органического развития. Оно явилось в мир только тогда, когда наступила «полнота времен», когда созрели исторические условия, когда процесс развития человечества дошел до определенного пункта. История до христианства не случайное наложение событий и фактов, а по единому замыслу осуществляемое домостроительство Божие. И с пришествием Христа не конец истории, а начало новой эпохи. В жизнь человечества брошены принципиально новые семена, которые должны прорасти, развиться в пышные побеги, впитать в себя все соки земли и созреть в долгом процессе к окончательной жатве. Это основное религиозное чувство жизни было оформлено и в философских понятиях, конечно, в тех понятиях, которые были выработаны *тогдашней* передовой философией. Учение Иустина Философа 2, первого христианского апологета, о «**Логос сперматикос**» 3 было ни чем иным, как первой по времени *теорией прогресса*. Таким образом, не может быть и речи о враждебном

противоположении христианства и прогресса.

Все теории прогресса XVIII и XIX веков выросли из христианства как из своей исторической основы. Христианство самым коренным и принципиальнейшим образом отличается от этих представлений, но не потому, что оно отрицает их, а потому, что, принимая их целиком, оно требует слишком много другого, чего нет в этих теориях и что между тем является наиглавнейшим и существеннейшим.

Христианство отрицает только их отрицания, а то, что они утверждают, оно возводит на новую ступень высшего *абсолютного* утверждения. Я проанализирую сейчас ряд отрицаний, производимых обычными теориями прогресса, и тогда станет ясным, чем, прежде всего, отличаются христианские представления о прогрессе от обычных. Отрицать то, что логически нельзя отрицать, – это значит только сознательно не допускать в теоретические воззрения те утверждения, которые в той или иной форме все же делаются, но уже не сознательно, а бессознательно, а потому отрицание это облекается в скромные формы *предпосылок*, в наличии которых не хотят признаться те, кто легким путем несознания их получает мнимое право смотреть на все глубочайшие религиозные проблемы жизни свысока, заложив руки в карман.

Я ограничусь выяснением только *главных* предпосылок всякой теории прогресса.

II

Положим, мы выяснили с полной очевидностью и бесспорностью, во-первых, что прогресс совершается, что история движется действительно вперед; затем, в чем именно движение это состоит; наконец, какими путями совершается. Все ли это, что нужно? Если бы теория прогресса была только философией прошлой истории, если бы она была только теоретическим принципом, который должен упорядочить и осмыслить события и факты прошлой жизни человечества и представить их в виде стройной картины развития, тогда бы действительно ничего больше было <бы> не нужно. Но если закон прошлого развития мы переносим в будущее, если мы говорим, что и будущая история будет тоже развиваться прогрессивно, особенно если мы, как марксисты, делаем из этого прогресса вещей практический принцип деятельности и утверждаем, что развитие

экономических отношений необходимо и безусловно приведет к Zusammenbruch"у 4, а из этого Zusammenbruch"а, как феникс из пепла, возникнет социалистический строй, - тогда дело совершенно меняется.

Пусть мы на основании точного изучения прошлого знаем, что дальнейшая история если будет развиваться, то непременно по тому самому железному закону прогресса, который господствовал и во всей прошлой жизни. Но откуда же мы знаем, что она непременно будет развиваться, т. е. идти вперед, *нарастать*? Ведь закон, это - только пустая форма, это констатирование того, что *при известных* условиях происходят такие-то явления, а если условий этих нет, то и явлений получиться не может. Условием действия закона прогресса, все равно в каких бы формах мы его себе ни представляли, является нарастание жизни. Откуда же мы знаем, что жизнь в будущем будет нарастать? На основании чего мы утверждаем, что Vorgeschichte 5 непременно *докатится* до Geschichte 5? Мы можем принять целиком все схемы марксизма о законах развития исторической жизни, но эти утверждения о том, что запаса жизненных сил непременно хватит на то, чтоб докатить историю до социалистического строя, совершенно не выводимы из этих схем.

И в жизни природы, и в историй мы знаем слишком много случаев, когда нарастание сил происходит *только до определенного пункта*, а затем силы идут на убыль. В Греции нарастали жизненные силы до IV века, а потом началось всестороннее разложение; то же самое в более грандиозных формах произошло в Риме. Рим и внутренне и внешне возрастал приблизительно до III века, а затем начались разложение и упадок до полной дряхлости и старческого бессилия. Пришли, варвары и заложили жизненные основы для нового нарастания исторических сил - общеевропейского. Но ведь запас варваров кончился, их больше не явится, а с каждым столетием человечество все больше и больше изживает определенное количество жизненных сил имеющихся у него в наличности. На основании чего же мы думаем, что в перспективе у человечества не всеобщее одряхление, а, наоборот, возврат к юношескому расцвету всех сил?

Эмпирических оснований у нас нет никаких. Даже больше, эмпирия говорит как раз противоположное. И если все же, вопреки

очевидности, сторонники прогресса утверждают это, то это делается в вопиющем противоречии с их основными взглядами, на основании чистейшей веры. Они верят, что начнется же когда-нибудь настоящая *Geschichte*, иначе *Vorgeschichte* не имеет никакого смысла, и верят в это верою «бретонской женщины» 6, т. е. непреложно, но вместе с тем и безотчетно, не умея и не желая осмыслить факты своей веры. Самые точные и разработанные представления о прогрессе теряют всякое значение или приобретают полный смысл целиком в зависимости от того, есть ли эта вера или нет. Если ее нет, если посредством веры не делается этого основного утверждения, то все величественное здание прогресса разлетается в прах. Будучи слепы на самый факт своей веры и принимая только нужные для них *следствия* этого факта, сторонники обычного представления о прогрессе впадают в некритический догматизм, они не оправдывают и не осмысливают основного своего утверждения и через это совершенно *бессильны* перед теми возражениями, которые выставляют против прогресса скептики и, главное, *пессимисты*. В отношении последних они занимают такую же жалкую позицию, какую занимают *наивные реалисты* в отношении философского критицизма.

Основное утверждение о прогрессе можно сделать только *верою*, но сделать это – значит верою ощутить *смысл жизни*, т. е. восчувствовать мир невидимый, царство целей и абсолютного Добра, восчувствовать как действительность высшего порядка, как такую реальность, в сравнении с которой вся наша теперешняя жизнь только смутное бледное ожидание. Но ощутить мир сверхчувственный и это свое прикосновение к нему сделать основным утверждением своей жизни – это значит центр жизни своей из относительного передвинуть в Абсолютное. Таким образом, без основного утверждения всякие представления о прогрессе – чистое недоразумение, а с этим утверждением, сознательно сделанным, приходится прогресс целиком базировать на фундаменте веры, – вера же необходимо приводит к признанию Абсолютного Начала как центра и смысла жизни. Что это значит для правильного представления о прогрессе, я выясню дальше.

III

Перехожу к другим предпосылкам.

По обычным представлениям о прогрессе – в истории человечества прогрессивно развиваются знания, смягчаются нравы, создается все более и более высокая и моральная культура и уменьшаются человеческие страдания. Если б этого не было, то не было бы и прогресса. Это так, но можно ли и эти как будто очевидные факты констатировать средствами чистого позитивизма, не вводя в мировоззрение свое некоторых абсолютных элементов?

Прежде всего, что такое прогресс знаний? Конечно, не простое накопление их, не количественное только увеличение. Астрология существовала тысячи лет, в течение которых астрологические «знания», конечно, увеличивались и росли, почему же никто не станет утверждать, что в астрологии с халдейского периода до средних веков совершался *прогресс*? Конечно, потому, что простое количественное нарастание не есть качественное повышение.

Качественное же повышение знаний бывает только тогда, когда в них нарастает *познание*. Познание же может расти только тогда, когда все больше и больше познается объект. Но познаваться объект может только в познании *объективном*, т. е. таком, которое проникает в действительные свойства предмета. Если же этого нет, тогда у нас нет критерия, при помощи которого мы могли бы с логической убедительностью показать, что знания в XIX веке стоят значительно выше, чем знания ввек Перикла.

Если все развитие знаний с V века по XIX есть лишь накопление знаний «астрологических», т.е. лишенных внутренней ценности, тогда называть это накопление знаний прогрессом нет никаких оснований. Чтобы сказать, что *эта* система знаний (положим, критическая философия Канта) выше *той* системы знаний (положим, философия Платона), нужно допустить заранее, что в философском исследовании познается объективная истина и прогресс знания может измеряться только одним: все большим и большим *усвоением* этой объективной Истины. Почему, в самом деле, если взять закон Канта, переход от религиозной и метафизической к положительной стадии – есть прогресс? Если на стадии положительной истина объективная остается столь же неизвестною, как и на стадии религиозной и метафизической, то, очевидно, последняя стадия в смысле прогресса знания не имеет перед

ниминикакого преимущества.

Если же признать, что в историческом процессе человечеством действительно усваивается истина объективная, тогда остановиться на полудороге нельзя. Ставить границы объективному знанию принципиально нельзя. Ибо это противоречиво логически и недопустимо морально. Если я познал объективно, т.е. адекватно, какую-нибудь часть объекта, то ничего не знать о всем целом объекта я уже не могу. Ибо если целое однороднее той частью, которую я познал, то я знаю не только часть, но и целое; если же оно разнородно и потому по познанной части я не могу судить о непознанном целом, тогда и познание части является мнимым, ибо в объективное определение этой части входит и ее соотношение с другими частями и с целым, и для того чтобы познать эту часть объективно, мне необходимо правильно познать это ее соотношение с целым, т. е. узнать нечто и о целом, частью которого она является. Таким образом, логических границ объективному знанию ставить нельзя. Препятствия здесь чисто психологического характера. Кроме того, можно ли морально успокоиться на частичном познании? Положим, я познал объективно, что на какой-нибудь удаленной звезде имеются элементы натрия. Это я знаю наверное, безусловно, а на все вопросы, о которых болит моя совесть, без разрешения которых бессмысленной, ненужной и бесцельной мне представляется вся жизнь Вселенной, я не имею никакого ответа. И вот совершается «прогресс» в знании о звездах, удаленных от нас на миллиарды верст, а о себе, о душе нашей и о запросах совести нашей – знания не растут и не становятся достовернее. О том, без чего бессмысленна наша жизнь, – мы не узнаем ничего, о том же, что имеет значение только как подчиненная часть при условии, что главный вопрос разрешен, мы кое-что узнаем. О каком же прогрессе в знаниях может быть тогда речь? Можно ли про человека, у которого рак, сказать, что он выздоравливает, что в его физическом состоянии совершается прогресс, если у него заживает какая-нибудь царапинка, случайно им полученная, а рак, от которого он умрет, остается в прежнем неизлечимом своем состоянии? А между тем говорить о прогрессе знаний в то время, когда в главных вопросах жизни и совести мы остаемся такими же слепыми и незнающими, какими были люди три тысячи лет тому назад, и никакие самые крупнейшие открытия в

области частных наук нисколько не увеличивают нашего знания об этом главном, – это значит называть заживление царапинки прогрессом, в то время как рак остается неизлечимым. Очевидно, и морально успокоиться на частичном познании мы не можем. Для того чтобы мы имели и моральное и логическое право говорить о действительном *прогрессе знания*, для этого необходимо, чтоб это знание было, во-первых, *объективным* а во-вторых, чтобы оно по *содержанию* своему было таким, которое бы удовлетворяло самым насущным запросам нашего духа, отвечало на главные и мучительнейшие вопросы жизни и делало нас знающими главное и существенное, а не только второстепенное и несущественное. Это значит, в прогрессе знания должно увеличиваться познание всеобъемлющей Истины объективной, и это познание должно все более осмысливать нашу жизнь. Но для этого нужно, чтоб Истина эта была не пустым несуществующим местом, а безусловной Реальностью, обладающей полнотой Бытия, бесконечным источником Жизни и смысла. Но признать это – значит признать Бога Живого и с почвы относительного целиком опять передвинуться в Абсолютное. Опять-таки, что это значит для правильного представления о прогрессе – я покажу дальше.

IV

Теперь скажу несколько слов о прогрессе в области моральной и прогрессе в смысле уменьшения страданий. Здесь обычные представления о прогрессе всего более поверхностны и часто возмутительны по своему беззастенчивому игнорированию вопиюще действительных фактов. Впрочем, эта сторона более других ясна для общего сознания, и я остановлюсь на одном. Во-первых, можно считать несомненным, что если прогрессивно растут только внешняя культура и техника, а человечество в моральном отношении не прогрессирует, а падает все ниже и ниже, и страдания его не уменьшаются, а только принимают новые, более острые формы, – тогда прогресс есть иллюзия. Во-вторых, можно считать несомненным, что жизнь, если ее брать только в эмпирических ее проявлениях, не дает никаких оснований считать, что прогресс в этих отношениях действительно совершается. Я не привожу уже оснований «против», я говорю, что оснований «за» нет никаких.

Учесть сумму страданий в наше время и сравнить ее с суммой страданий в какую-нибудь другую эпоху для добросовестно мыслящего человека нет никакой возможности. Здесь мы имеем дело с реальностями, не поддающимися никакому учету.

Люди различной моральной высоты страдают различной мерой страданий. Кто страдал больше: Гаршин и Чехов или целые тысячи упитанных сытых людей? Или, кто страдал больше: все люди вместе взятые или Тот, Кто принял в душу Свою все страдания мира, у Кого от борения и муки выступил кровавый пот на челе? Можно не верить в Христа как в Бога, но всякий должен признать, что в Гефсиманском саду и на Голгофе открылась такая *бездна* страдания, которой не было раньше и которой *больше* уж не было.

Ответить на эти вопросы, основываясь на знании внешнем, абсолютно нельзя.

И если, несмотря на все зло, которое господствует в жизни и которое, видимо, вовсе не уменьшается, несмотря на растущую проституцию, сифилис, вырождение и проявления сатанинских глубин, находятся люди, которые говорят, что прогресс совершается в области морали и в мире растет Добро, то нужно людей, говорящих так, резко разделить на две категории: *на слепых и глухих*, которые не видят зла жизни и не слышат стонов страдающих, и на тех, кто видит зло, кто слышит стоны, кто чувствует ужасы жизни и кто тем не менее не искушается «видимым господством зла, подвигом веры ощущая невидимую силу Добра». Но эти люди могут видеть зло жизни и не приходить в отчаяние только потому, что, видя это, они видят и нечто другое: сверхэмпирическим путем они знают, что жертвой Христовой мир искуплен, и мистически чувствуют, что история мира – это *органический* процесс, и как бы зло ни торжествовало в промежуточных фазах его, конец, к которому придет он, – будет уже окончательной, полной и вечной победой Добра. Такие люди имеют право говорить о прогрессе Добра, т.е. о поступательном шествии человечества к этой победе, но кто в это не верит, в устах того слова о прогрессе есть или слащаво-пошлые утешеньица, или самодовольное закрывание глаз.

Таким образом, прогресс морали еще более, чем прогресс знаний, может базироваться только на признании *абсолютных начал*. Я мог бы продолжать анализ дальше. Но и сказанного уже достаточно, чтоб

утвердить окончательно такое положение: анализ предпосылок обычных представлений о прогрессе показывает, что всякое положительное утверждение о прогрессе покоится на скрытом признании абсолютных начал.

Эти предпосылки в обычных представлениях о прогрессе являются предпосылками *догматическими*. Они не только не вытекают из основ общего мировоззрения тех, кто их делает, но даже самым резким образом им противоречат. Абсолютному нет места в мировоззрении позитивном. Позитивист не может признать Абсолютного. И положение позитивизма, базирующего наиболее ценные и центральные идеи свои на Абсолютном, есть положение внутренне неустойчивое и фальшивое.

Спрашивается: если того, что в этих предпосылках утверждается, – нет, если допущения эти произвольны и иллюзорны, что тогда получается?

Прогресс знаний есть простое верчение в беличьем колесе. Из знаний не вырастает *познания*. Приближения к Истине быть не может, ибо истины нет; значит, в развитии знаний развивается только *самообман*. Прогрессивный рост знаний есть прогрессивный рост *заблуждения*.

Прогресс морали есть самая жестокая клевета на действительность. Эмпирия вся, во всех частях своих громко свидетельствует, что только самодовольство и сытость, только безжизненный отвлеченный ум могут говорить о каком-то мнимом уменьшении страданий на земном шаре.

Наконец, субъект прогресса – человечество обращается в жалкий рассыпающийся комочек преющих личинок. Личинка сегодня ест, живет, «преет», копошится вместе с другими личинками в общем комочке, а завтра оторвется от него, исчезнет, и *всякие* связи с комочком прекращаются, а комочек в целом будет копошиться и преть немного больше, чем отдельная личинка, не 5-6 *десятков*, а 5-6 *тысяч* лет. Но пред лицом Вечности и этот срок – *ничтожность*, И тысячи лет пробегут в свое время, и все человечество так же бессильно должно будет исчезнуть с лица земли, как бессильно исчезает отдельная человеческая особь. А если субъект прогресса так неустойчив, так тленен, так бессилен и только феноменален, то о каком же прогрессе может быть речь? Прогресс если бы и был

реальным, то при отсутствии устойчивости в субъекте становится совершенно безрезультатным. Можно ли даже самую драгоценную влагой наполнить сосуды, в которых нет дна?

Таким образом, или сознательное принятие всех предпосылок и допущений – тогда признание прав Абсолютного, или же мы подходим вплотную к стене. Нет Абсолютного, так *нет и прогресса*. Без объективной основы вера в прогресс есть самая плоская и мерзкая вера, ибо игнорирует *трагедию мира*, и в то же время самая не критичная, самая наивная и самая фантастическая вера, ибо не принимает во внимание *действительности*.

Нужно или отказаться от этих идей, или посмотреть Абсолютному прямо в глаза. Христианское представление о прогрессе тем больше всего отличается от обычного, что христианство дышит и живет Абсолютным. Оно все Им проникнуто. Бог есть начало, середина и конец христианства. Все в Нем, все для Него и все через Него. И потому то, что в обычных представлениях о прогрессе является только догматическими предпосылками, в которых стыдятся и бояться сознаться, – то в христианстве ставится во главу угла, осмысливается целостным мирозерцанием и ставится в теснейшую связь со всеми сторонами жизни.

Это радикально меняет дело.

V

В идее прогресса нужно различать *три* стороны: *что* прогрессирует, *кто* прогрессирует и *как* прогрессирует.

Для всех этих трех сторон решительное признание Абсолютного имеет громадное значение.

Что прогресса заполняется совершенно новым смыслом, потому что в позитивном понимании прогресса нарастание каких бы то ни было ценностей – есть процесс отрицательной, дурной, по выражению Гегеля, бесконечности. Увеличивается без конца то, что имеется в наличности. Но это увеличение никогда не может привести к состоянию *завершенному*. Всегда движение вперед обуславливается *недостатком, отсутствием* в достаточном количестве того, что является содержанием прогресса. Революция политическая или социальная – вследствие гнета, вследствие *невозможности* жить при старом строе. Революция в искусстве – вследствие того, что старые

формы искусства исчерпались, *потеряли* свою силу и жизненность и уже *не питают*. Революция в области мысли – вследствие того, что старые формы представлений омертвели, обратились в схемы, жизнь не покрывающие, *стали давить*. Таким образом, движение вперед происходит вследствие *отталкивания от старого*, а не под воздействием ясно сознанного *идеала будущего*. Ибо *идеала будущего* быть не может, если будущее по существу идеальным быть не может.

При христианском же понимании прогресса нарастание ценностей есть процесс усвоения *положительной* бесконечности. Абсолютная полнота бытия, Божество, сходит на землю, принимает зрак рабий, вочеловечивается, и этим человечество возводится на новую, высшую и *абсолютную* ступень бытия. Феноменальное ноуменализируется, тленное пронизывается Вечностью, человеческое – обожествляется. Законы мира сего, весь природный строй побеждаются, и в освобождении от них, в новой земле Царствия Божия человек обретает истинную *свободу* свою. Всему, что здесь совершается, ставится абсолютная и достижимая цель. В области нарастания знаний – познание истины лицом к лицу, *существенное ее усвоение*; в области искусства – проникновение в реально существующие миры иные и воплощение их в нашей земной действительности: реальное *преображение* безобразного настоящего в *абсолютную Красоту грядущего*. Наконец, в области морали – не неопределенное самосовершенствование, а становление святыми, *существенное усвоение святости Бога*.

В сравнении с этими бесконечными горизонтами христианского понимания прогресса горизонты позитивного понимания становятся узкими, серыми, тесными и мещанскими. Кто раз отведал опьянение христианской надеждой на будущее, для того пошлостью веет от планов всех безумных строителей Вавилонской башни! Кто раз восчувствовал грядущую свою свободу на новой земле, тот ни на какие самые утонченные клетки этой земли уж не согласится. Душно сидеть в комнатах, когда «выставляются первые оконные рамы» **7**. Хочется на простор, на свободу весеннего дня! Так и христианам душно под темными сводами настоящего, вся душа их в грядущем; и это грядущее в тайниках сердца для них уже настоящее. Только соприкасаясь в глубинах своего духа с тем, что космически *будет*, а

онтологически вечно *есть*, – можно заполнить истинным содержанием *христианскую* идею прогресса.

VI

Вторая сторона прогресса – это *кто* прогрессирует. Позитивное понимание прогресса остановилось на том, что «с верхних 10 тысяч» распространило область действия прогресса на всю массу человечества. Социализм поставил дилемму: или прогресс чепуха, или же в него должны войти народные массы. Приобщение к прогрессу народных масс стало практической целью социализма. Но у всякого предмета помимо ширины есть глубина. Социализм расширил область действия прогресса, но *углублять* ее и не думал. А между тем без углубления что получается?

Субъектом прогресса не может быть отдельная личность, ибо она преходяща. Смерть, уничтожая личность, вытаскивает из-под прогресса одну точку опоры за другой, Личность сегодня есть, а завтра ее уже нет, а если б и прогресс был только сегодня, а завтра его бы не стало, то он обратился бы в пустое ничто, в самую жалкую вещь. Итак, субъекта прогресса нужно искать в чем-то гораздо более устойчивом, чем отдельная личность. Этим «устоем» может явиться только то целое, частью которого является отдельная личность.

Что же такое это целое при позитивном понимании? В каком виде оно должно мне представиться, если я захочу определить его объективно? Одно несомненно: если я, умирая, теряюсь бесследно, то в таком же точно положении находятся и *все* люди. Все, умирая, теряют связь с этим целым и отрываются от него. В чем же тогда состоит это целое? Допустить, что не все находятся в таком положении, как я, я не могу. Другие могут находиться в ином положении, чем я, лишь при одном условии: если они будут иной *природы*, чем я, если они будут бессмертными, в то время как я буду смертей. Но это – нелепость. В таком случае из чего будет слагаться *целое*? Если целое представлять в виде простой арифметической *суммы* всех отдельных человеческих жизней, то получается двойное затруднение: во-первых, из суммы разрозненных частиц самопроизвольно целого получиться не может. Нужен связующий центр, нужна посторонняя частям этим *сила*, которая бы множество их слила в единство; во-вторых, каждая человеческая жизнь, обрываясь со смертью,

переходит в ничто. Если это целое состоит только из жизней, обрываемых смертью, тогда значит эта сумма – есть сумма нулей, а сумма нулей, из какого множества она бы ни состояла, – равна *только нулю*. Таким образом, если со смертью для меня порываются все связи с целым, то целого, которое могло бы составиться только из таких человеческих жизней, как моя, вовсе и нет. При таком допущении целое, из-за которого я должен жить и которым должна быть оправдана моя смерть, есть *пустое ничто*, т. е. ни жизнь моя, ни смерть моя *такой* идеей целого осмыслена быть не может. Целое становится целым при допущении, что оно не механическая сумма отдельных частей» отдельных жизней, а живой *организм*, обладающий своим особым центром жизни, объединяющим в себе отдельные проблески жизни во всех формах существования. К этой мысли необходимо приводит логика. Характерно, к ней пришел сам отец позитивизма О. Конт в своем учении о человечестве как о *едином существе* 8. Но можно ли ограничиться одним этим признанием? Если я, умирая, навсегда отрываюсь от жизни этого целого и если все люди подобно мне, умирая, отрываются от жизни этого целого, тогда целое это. единое великое существо, является *трансцендентным* в отношении людей. Но трансцендентное людям – не может быть тем целым, *органической* частью в которое входят люди. Такое целое может существовать вне и без людей, но оно будет целым только в отношении себя, а для людей целым оно явиться не может. Ибо люди входят в него не как части, органически необходимые, а как случайные элементы, которые могут быть, а могут и не быть. Чтоб составлять необходимую часть в жизни этого Единого Целого, – я должен быть связан с ним не случайными связями, а органически необходимыми. Но так связан я могу быть лишь в одном случае, *если, умирая, я связи с этим целым не теряю, если смерти как уничтожения моей личной жизни не существует*. Но и на этом остановиться нельзя. Если, я, умирая, т.е. выходя из пределов нашего мира, связи с целым не теряю, – очевидно, это целое должно быть тоже *за пределами* нашего мира, т. е. оно должно быть сверхэмпиричным, ноуменальным Существом. Но оно, как мы видели, не может быть и трансцендентным в отношении людей, находящихся в земных условиях, оно должно, быть *имманентным миру*. Итак, у этого Единого Существа, подобно отдельной человеческой личности,

должно быть два Лица: ноуменальный и эмпирический. Две формы существования – трансцендентное и имманентное. Нужно ли говорить, что этим самым мы подошли к христианскому учению о Церкви? Церковь мистическая – это ноуменальное, запредельное существо – это невеста Христова, Церковь воинствующая – это то же самое Существо, но имманентное миру, реализующееся в нем, борющееся со стихиями дробности и хаоса и постепенно их одолевающее.

Таким образом, в субъекте прогресса христианское понимание решительно подчеркивает *абсолютные* элементы: истинным носителем прогресса может быть только бессмертная личность человека. Своим бессмертием и своей ноуменальной природой входящая составным элементом в Существо высшего порядка – в Целое мира – в Церковь.

VII

Теперь перейдем к третьей стороне – к христианскому *как* прогресса. В первых двух сторонах христианское понимание отличалось от позитивного не очень решительно. В отношении содержания и субъекта прогресса в этих двух пониманиях есть много точек соприкосновения, есть своего рода параллелизм. Прогресс знаний, прогресс внешней и внутренней культуры, демократизация всех культурных ценностей – это христианским пониманием может быть принято отчасти в том виде, в каком оно существует в понимании позитивном. Больше того, тут христианское понимание многое *заимствует* у понимания позитивного. Берет у него как нечто бесспорное; конечно, остается коренная и принципиальная разница в истолковании.

В отношении же третьей стороны между пониманием позитивным и пониманием христианским лежит глубочайшая непереходимая пропасть. Между христианским *как* и позитивным *как* прогресса нет ни малейшего параллелизма. Тут главное и частности, общее и детали – диаметрально *противоположности*.

В христианском *как* прогресса необходимо различить два ряда утверждений, отвечающих на два вопроса: а) как, каким образом возможен прогресс, или что является его объективной основой, его субстратом? б) как, т.е. *какими путями*, прогресс совершается, или,

другими словами, каковы *формы* его совершения?

Развивать первый ряд утверждений в данную минуту нет надобности. Их нужно только отметить. Это центральные идеи и христианской религии, и христианского мировоззрения. Это основное для всего христианства признание *Богочеловечества* Христа.

Ни о каком существенном усвоении истины не могло бы быть речи, если б Истина эта, в Себе существующая, не *шла навстречу* ищущему соединения с Ней человеку, если б Она *не давала* Себя усвоить, не *открывалась* бы людям тогда, когда люди порываются к ней. Если б этого не было, *жажда* познания Истины, до какой бы степени она ни возрастала, всегда бы оставалась жаждой, никогда бы не находила своего удовлетворения. Таким образом, усвоения Истины не могло и не может быть без *откровения*.

Ни о каком существенном усвоении *святости* не может быть речи, если человек замкнут в темницу своих сознательных и бессознательных, но *только субъективных* сил. Определенная данность определенных и потому всегда ограниченных сил замыкала бы в таком случае человека *магический*, т.е. *непереходимый*, круг его природных способностей, и никогда бы из человека среднего не могло бы получиться святого. Никогда бы до святости возрасти нельзя было, если бы в этом процессе роста не было бы усвоения *объективного Добра*. Но святость только количественно отличается от всякого *морального* состояния. Не могло быть *никакого морального* роста, если б внутренний человек не дышал атмосферой *Трансцендентного*.

Наконец, что самое главное, уничтожение страданий, объективная победа над Злом мира, освобождение из-под власти косных, жестоких и злых законов природного строя, вся надежда на грядущий золотой век универсальной, все примирившей гармонии – это все зиждется на Христовых страданиях. Все надежды, все чаяния, вся наша радость, вся вера в грядущее – все вытекает отсюда. Не будь искупления, не будь Голгофы, все превратилось бы в «чертов водевиль». Все полетело бы «вверх тормашками»; идея прогресса превратилась бы в такую пошлость и гадость, от которой бы должен краснеть всякий мало-мальски чуткий человек. Возврат к радости, к святости, к красоте стал возможен только после слова: «Свершилось!..» Поворот от греха, от кошмарных ужасов темного и злого хаоса, истинное освобождение

из-под власти всеобщего рабства, истинный и единственный **катарсис** 9 мировой трагедии – в Гефсиманском саду и Голгофе. Второе творение мира, создание «новой земли» произошло там. А без новой земли нам некуда было бы идти; без этой цели, лежащей впереди человечества, не могло быть никакого движения вперед. Мировая трагедия без своего **катарсиса** превратилась бы в безысходный кошмар. Вся жизнь, вся история, весь мир полетел бы в зияющую дыру, и все провалилось бы, *сгнило* в бездне небытия. Позитивное понимание, обходящее эту сторону, замалчивает один из самых коренных вопросов в проблеме прогресса. Вместо устойчивого фундамента оно базируется *на пустоте*. Ибо разве не пустота та *наивно-оптимистическая* вера в человека, на которой хочет утвердить возможность прогресса позитивизм? Верить в эмпирического человека – эту неминуемую добычу червей, этого вырождающегося сладострастника в худшем случае, а в лучшем *бессильного мечтателя* – это пошлая сантиментальность, тупое недомыслие. Этот пункт уже намечает ясную разделительную черту между позитивным пониманием прогресса и христианским. Следующий пункт еще важнее, еще характернее.

VIII

Как, какими путями свершается прогресс? – вот вопрос поистине кардинальный и основной. Своеобразие христианского понимания прогресса выражается в ответе на этот вопрос. *Hier ist der Hund begraben!* 10

Необходимое принятие абсолютных предпосылок, о которых мы говорили выше, будучи осознано до конца, радикально изменяет обычные позитивные представления о прогрессе на качественно новые и другие.

Признать Абсолютное центром – это значит *Вечное* сделать целью деятельности, протекающей *во времени*, безусловное стараться воплотить *вотносительном*, бесконечное осуществить в *конечном*. Говорить это – значит: или говорить явную несообразность, или утверждать вещи, от которых должны перевернуться все представления об истории. Понятие Вечного, безусловного и бесконечного, с одной стороны, и понятие Временного,

относительного и конечного – с другой – принципиально *антиномичны*. Сколько бы мы ни продолжали время, сколько бы ни нанизывали столетия на столетия, от этого *Вечности* в плоскости временного никогда не получится. Сколько бы конечных и относительных вещей мы ни складывали вместе, сколько бы ни увеличивали их повторениями и видоизменениями без конца, – от этого безусловного и бесконечного в плоскости относительного и конечного никогда не получится. Конечное может расти без конца, но никогда от бесконечного увеличения конечной величины не получится актуальной, положительной бесконечности ЭЗ. Другими словами, количественное увеличение, взятое само по себе, никогда не даст качественного изменения. Непрерывное развитие конечных начал никогда не приведет к воплощению бесконечного. Значит, воплощение абсолютных начал в относительном, Вечного в временном невозможно в таком процессе развития временного и конечного, основной чертой которого является *непрерывность*. Значит, нужно признать или воплощение Абсолютного в мире конечном – есть невозможность и пустая мечта, или же нужно признать, что процесс развития конечного совершается с *перерывами*, что процесс есть движение не непрерывное, а *прерывное*.

Но что значит понятие прерывного в данном случае? Неужели оно так значительно, важно и решительно? Неужели от него меняется все?

Прерывное развитие – это значит такое развитие. в котором сочетается два ряда процессов: – процессов непрерывных и процессов прерывных. Первые, будучи по существу эмпирическими, подчиняются условиям времени и пространства, обусловлены законом причинности, принадлежат «нашему» *феноменальному* миру. Они растут, развиваются, зреют, и *закон* их роста понятен эмпирическому уму, рационален, позитивен, естественен. Процессы же прерывные как раз обратны; они – продукт иного, ноуменального мира. Врезываясь в процессы естественные, они их прерывают, переводят на качественно новую ступень с тем, чтоб с этой ступени до *известного* пункта процесс развивался опять непрерывно. Эти перерывы иррациональны, сверхпозитивны, мистичны. Каждый перерыв – это та реальная, в пределах нашего мира лежащая точка,

где два мира: мир «этот» и «тот», мир сущего и существующего, мир абсолютной свободы и мир причинной обусловленности соприкасаются в реальном взаимодействии. И это соприкосновение, как огонь палящий, сжигает всю шелуху естественного развития, а подлинно ценное этого процесса, обогащаясь соприкосновением с «мирами иными», питаясь ими, продолжает дальнейший свой рост. Иррационально творение мира, иррационально появление органического в неорганическом, появление сознания в органическом, появление самосознания в сознающем, наконец, рождение истинного и единственного Сверхчеловека по природе своей, Иисуса Христа, – в человечестве; иррациональны рождение внутреннего человека в каждом из нас, рождение, делающее нас, членов естественного человечества, членами мистического Богочеловечества – Церкви. Все это – *перерывы* в развитии мирового существования.

Нужно ли говорить, насколько допущение прерывности в историческом развитии человечества изменяет все взгляды и представления? Если допущение перерывов критически обосновано, если каждый перерыв обозначает взаимодействие двух миров, т. е., другими словами, *перерыв естественных процессов сверхъестественными моментами*, – тогда *чудотаинственное вмешательство высших сил становится составным и необходимым элементом жизни*. Баур, Штраус, Вейцеккер, Ренан [11](#) – вся библейская критика, догматически устраняют прерывность, не хотят принять чуда в его высшей осмысленности и необходимости – вот почему так бесконечно плоски, наивны и недостаточны те quasi-критические изложения библейских или евангельских событий, которые делаются в так называемых научных исследованиях. Все было бы так, как пишут они, если бы история была процессом замкнуто-непрерывным, и ничего не остается из их утверждений, вся критичность их изобличается в догматичности, если жизнь, как мы показали, может быть мыслима только как процесс *прерывный*. И если в оценке прошлого так решительно ошибается позитивное понимание, то не должно ли оно ошибаться еще более в своих представлениях о будущем? Отвечая на это, я перехожу к последнему пункту доклада.

Понятие прерывности, приложенное к идее прогресса, показывает, что формы развития человечества вовсе не так просты, идилличны и прямолинейны, как это думает позитивное понимание. Нет, истинными и существенными толчками вперед были те величайшие грозы и *революции духа*, те *взрывы энтузиазма и веры*, когда эмпирическое и посюстороннее, бушуя, вздымалось столь высоко, что достигало высот ноуменального, потустороннего мира и, заражаясь его энергией, переворачивало в нашем мире все вверх дном.

Позитивное понимание, связанное своими основными принципами, будущее человечества, дальнейшее поступательное шествие его – может представлять только в тех формах, в каких оно совершалось до сих пор. Линия развития человечества, всегда непрерывная, будет и дальше *себя* продолжать, никогда не может преобразиться в иные формы существования, вдруг оборвавшись, перевести человечество в *иные измерения*. Из этого нашего нудного, злого, страдающего мира, находящегося в рабстве у Времени и Смерти, дробного, хаотичного, всегда косного и несвободного, – никакие дальнейшие фазы прогресса никуда вывести нас не могут. Будет осуществлен социализм, настанет царство экономической справедливости, может быть, всечеловеческой солидарности, но мир всегда останется *Гробом*, ибо всегда в нем будут гнить умирающие, всегда останется *Тюрьмой*, ибо в ней будут сидеть в «свободном» ожидании обреченные Смерти; чем состояние это лучше состояния «троглодитов» – я не знаю; знаю только, что иных перспектив нет для позитивного понимания. [Э4](#)

Иные перспективы открываются в христианстве.

В христианском понимании прогресса прошлое и настоящее представляется процессом, в котором с высшей, иррациональной телеологичностью взаимодействуют две формы развития: прерывная и непрерывная. Сообразно с этим и будущее принимает совершенно исключительные, «безумные» для всякого «эллина» формы.

Процесс, в котором непрерывное переплетается с прерывным, даже в этом своем иррациональном виде не может быть мыслим *непрерывным*, т. е. бесконечным. Ибо если б он был непрерывным, тогда главенствующей, определяющей и в конце концов существенной чертой его была бы *непрерывность*, а не *прерывность*. Но этого допустить мы не можем, ибо из всего сказанного выше

следует, что или прогресса нет, или же он есть усвоение Абсолютного. Это Абсолютное должно являться по самому существу дела главным, и раз усвоение Абсолютного может быть процессом только непрерывным, то, значит, прерывность этого процесса первенствует над его непрерывностью. Но что в данном случае, т.е. в отношении Будущего, означает прерывность?

Она означает то, что дальнейшее возрастание человечества не может быть мыслимо бесконечным, т.е. продолжающимся *без конца*.

Другими словами, у истории человеческой, у этого нашего мира должен быть *свой конец*. «Будет некогда день, и погибнет Великая Троя» [12](#). Будет некогда день, и погибнет в громах и молниях великого Страшного Суда старый мир. Ангелы вострубят, небеса совьются, как свиток, Время исчезнет, Смерть победится, и из пламени преобразования возникнет новая земля под новыми небесами. Все его существенное содержание будет переведено в иные измерения. Вся жизнь его, преобразившись, будет возведена на качественно новую и *абсолютную* ступень. Каждая конечная величина будет возведена в бесконечную степень. Здесь блаженство и радость всей твари. Здесь исполнение всех пророчеств и чаяний. Здесь ликующий Брачный пир. Таково великое упование христианства.

Но этот *прыжок* мира и человечества в Абсолютное, этот переход в запредельное и ноуменальное не может, конечно, быть неожиданным. Он будет внезапен для внешнего глаза, может быть, для *сознания* всех людей. Но *изнутри* он должен созреть. Как плод падает на землю до конца вызрев, налившись всеми соками земли, так старый мир, вызрев и до конца пройдя весь страдальческий путь свой, с торжественной Осанной сорвется с своей эмпирической оси. Но до этой Осанны еще страдальческий путь. Остаток истории, то будущее, которое отделяет нас от Вечности, должен быть заполнен небывалыми страданиями. Муки должны сгуститься до тех темных грозных, закрывших землю от всякого Света туч, которые уже были на земле в день Распятия. Когда настанет время мировых родов, на земле будет такая печаль, такая скорбь, страх и уныние, каких не было от создания мира. Темные силы, почуяв конец своего господства, мобилизуют все, что имеют. Сатана пошлет первенца своего на землю для последней, величайшей *борьбы*. Все в мире,

выйдя из своего безразличия, разделится на два враждующих стана. Все в ужасающем напряжении закружится, сорвется с эмпирической плоскости и сцепится в последней решающей схватке. Только через нее, через окончательную битву – полет в Бесконечное, переход в запредельное.

Вот почему для христиан будущее – не мирный культурный процесс постепенного нарастания всяких ценностей, а *катастрофическая картина взрывов*, наконец, последний взрыв, последнее напряжение – и тогда конец этому миру, начало Нового, Вечного, Абсолютного Царствия Божия.

Я не буду говорить о следствиях, которые вытекают из такого понимания прогресса. Об этом нужно было бы говорить на многих страницах. Скажу только, что при таком понимании прогресса все жизненные проблемы, все формы практической деятельности сразу подвергаются коренной и принципиальной переоценке. Здесь, в этом пункте, какой-то такой изгиб мировоззрения, пройдя который, почти все, что казалось раньше стоящим на ногах, кажется вдруг стоящим на голове. Идолы падают, кумиры свергаются, и в их разрушении, в всеобщем смятении вдруг ощущаешь духом замыслы Бога, неисповедимые пути Провидения.

Примечания Владимира Францевича Эрна

Э1 Доклад, читанный в Религиозно-философском обществе памяти Вл. Соловьева в марте 1907 г. Напечатан в «Русской Мысли», X, 1909. (Примечание В. Ф. Эрнa). ≥

Э2 Исаии, 11, 3 – 4. . (Примечание В. Ф. Эрнa). ≥

Э3 О положительной бесконечности и о понятии прерывности см. важные и глубокие статьи П. А. Флоренского: «О символах бесконечности» – Новый путь, 1904, IX; «Об одной предпосылке мировоззрениям – Весы, 1904, IX и отчасти «О типах возрастания» – Богословский Вестник, 1906. (Примечание В. Ф. Эрнa). ≥

Э4 Об этом подробнее в статье «Социализм и проблема свободы». (Примечание В. Ф. Эрнa). ≥

Примечания издателя

1 «Первым настал золотой век» (*лат.*). – Овидий «Метаморфозы» I. 89. ≥

2 *Иустин* (Юстин) *Философ*, Мученик (II в.) – один из первых христианских апологетов. Его мировоззрение в значительной степени зависело от стоицизма, где **Логос** понимался как субстанциальное мировое начало – эфирно-огненная душа космоса и совокупность

3 **«Логос сперматикос** — семенных логосов, формообразующих потенций, от которых в инертной материи происходят вещи. Новым по сравнению со стоиками и Филоном Александрийским (считавшим, что Логос есть «образ Бога» и посредник между Богом и миром) было отождествление Иустином Логоса с Иисусом Христом, Сыном Божиим. ≥

4 *Zusammenbruch* (*нем.*) – крах, развал. ≥

5 *Vorgeschichte, Geschichte* (*нем.*) – предыстория, история. ≥

6 Слепая, нерассуждающая вера. ≥

7 Неточная цитата из стихотворения А. Майкова «Весна! Выставляется первая рама» (1854). ≥

8 Учение Конта о «новой церкви» позитивизма с особым культом Человечества было изложено им в «Системе позитивной политики» («*Systeme de politique positive...*» V. 1- 4. 1852-1854). ≥

9 **Катарсис**(*др.-греч.*) – катарсис, очищение; термин древнегреческой философии и эстетики, обозначающий сущность эстетического переживания. с3

10 *Hier ist der Hund begraben!* (*нем.*) – Здесь собака зарыта! ≥

11 *Баур Фердинанд Кристиан* (1792-1860) – немецкий протестантский теолог и историк Христианства, гегельянец, основатель и глава тюрингенской школы теологии, отвергавшей церковное учение о сверхъестественном возникновении Христианства и его Боговдохновенных произведений. *Штраус Давид Фридрих* (1808-1874) – немецкий теолог и философ; в своей книге «Жизнь Иисуса, критически переработанная», не отрицал существование в истории Иисуса Христа, но из “текстологического анализа новозаветной литературы” пришел к выводу об <якобы> исторической недостоверности Евангельских преданий о жизни и

деятельности Иисуса Христа, объявил чудеса, о которых рассказывают Евангелия, мифами. *Вейцеккер Карл Генрих фон* (1822-1899) – немецкий теолог критико-исторического направления, профессор церковной и догматической истории в Тюбингене, автор работ о раннем Христианстве («Исследования по евангельской истории», «Апостольский период христианской церкви» и др.). *Ренан Жозеф Эрнест* (1823-1892) – французский писатель, историк и филолог-востоковед, представитель “исторической школы библейской критики”. В сочинениях «История происхождения христианства», «История израильского народа», «Жизнь Иисуса», вроде бы не отрицая жизнь Иисуса Христа, считает его человеком, а не Сыном Божиим, не верит в Евангельские чудеса, пытается объяснить их естественными причинами. ≥

12 *Виргилий «Энеида» IV, 164 (пер. Н. И. Гнедича).* ≥

См. [СМЫСЛ ЖИЗНИ](#), [ПРОСВЕЩЕНСТВО](#)